

В. Алексеев

**Народовластие в древней
Руси.**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 304
ББК 60.5

В. Алексеев

Народовластие в древней Руси. / В. Алексеев – М.: Книга по Требованию, 2011. – 68 с.

ISBN 978-5-4241-5423-2

ISBN 978-5-4241-5423-2

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

его заключается въ принципѣ народовластія, народоправленія и въ этомъ смыслѣ вѣче, умершее, отжившее свое время какъ форма, все еще въ будущемъ, какъ сущность, какъ идея.

Современное ученіе о государствѣ различаетъ два вида народовластія—чистое, какимъ является республиканскій образъ правленія, и смѣшанное, примѣромъ котораго можетъ служить конституціонная монархія, гдѣ верховная власть раздѣлена между монархомъ и народомъ. И въ той и въ другой формѣ нашелъ себѣ приложение принципъ народовластія—вполнѣ въ первомъ и отчасти во второмъ. Въ обоихъ случаяхъ въ современныхъ государствахъ народовластіе отлилось въ форму народнаго представительства. Форма непосредственнаго участія народа въ управленіи, т. е. поголовно, всей массой въ настоящее время осталась только въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи. Если мы захотимъ это опредѣленное и точное дѣленіе формъ народовластія примѣнить къ кіевскому періоду русской исторіи, то будемъ поставлены въ затрудненіе и, пожалуй, на свой вопросъ, какой видъ народовластіе передъ нами, мы не получимъ совершенно точнаго отвѣта, а только приблизительный.

Для такой глубокой древности, какъ первый періодъ русской исторіи, невозможна современная точность и опредѣленность понятій. Это эпоха господства обычая, когда отдѣльный фактъ значитъ больше, чѣмъ какая либо норма, право еще въ зачаткѣ, измѣнчивая практика руководитъ всѣмъ и часто разрушаетъ даже установившіяся нормы. Здѣсь изслѣдователю нерѣдко приходится итти ощупью для того, чтобы отыскать точное опредѣленіе древне-русскому народовластію. Недаромъ такъ велика и противорѣчива литература по этому предмету. Одни изслѣдователи видятъ въ древне-русскомъ вѣчевомъ укладѣ чистое народовластіе, другіе скорѣе склонны отнести его ко второму виду, а третьи отрицаютъ всякое политическое значеніе вѣча, (кромѣ Новгорода и Пскова), низводятъ его

на степень просто административно-хозяйственного органа. Въ этомъ разнорѣчїи виновато само учрежденіе о которомъ толкують. Какъ увидимъ послѣ, вѣчевой строй получилъ вполне опредѣленную и довольно точную организацію только въ Новгородѣ, отчасти въ Псковѣ (позднѣе) и то не раньше XII вѣка, къ которому относятся документальныя свидѣтельства объ этомъ. Въ остальной Руси и въ Новгородѣ до XII вѣка вѣчевой строй оставался все время въ неогранизованномъ состояніи. Поэтому, прежде чѣмъ подводить вѣчевой строй подъ какую-либо изъ существующихъ государственныхъ формъ, лучше обратиться непосредственно къ жизни, къ практикѣ этого учрежденія. Она сама намъ покажетъ, что за учрежденіе вѣче. А послѣ, когда ясно станетъ изъ практики, что такое вѣче, можно будетъ подыскать ему соотвѣтствіе въ существующихъ государственныхъ учрежденіяхъ. При изображеніи вѣчевого быта мы, по возможности, постараемся удержать подлинный языкъ памятниковъ, замѣняя непонятныя выраженія современными. Пусть старина сама за себя доворить, своимъ языкомъ.

Тому, что создается медленнымъ процессомъ жизни, складывается подъ вліяніемъ фактическихъ условій, потребностей жизни, а не логическихъ измышлений, трудно опредѣлить начало. Такъ и съ вѣчемъ. Оно возникло несомнѣнно въ глубокой древности изъ простой вполне естественной потребности народа обсуждать и рѣшать свои дѣла, и такъ какъ дифференціація политическая и социальная не достигла тогда значительной степени, то эта потребность и вылилась въ форму непосредственнаго народнаго собранія, собранія поголовно, всего народа. Сказать, когда именно это произошло и какимъ образомъ, трудно. Давно, очень давно. Въ этомъ смыслѣ вѣче есть общечеловѣческое явленіе. Какъ показало сравнительное изученіе политическихъ учреждений и наблюденіе надъ жизнью различныхъ народовъ, народныя собранія подобныя древне-

русскому вѣчу существовали у всѣхъ народовъ на известной ступени политическаго развитія, «когда въ общественной жизни еще вовсе не проявляется дифференціація строенія и специализація функций, когда еще населеніе государства составляетъ однородную массу, когда нѣтъ еще сословныхъ различій, когда всѣ граждане ведутъ одинаковый образъ жизни». (Коркуновъ).

«Древняя Россія не знала сословій. Населеніе представляетъ единообразную массу, разные слои которой отличались одинъ отъ другого достоинствомъ, а не правами. Различія по занятіямъ не существуетъ: отъ князя до послѣдняго свободнаго человѣка, всякій можетъ быть воиномъ, имѣть поземельную собственность, заниматься торговлей, промыслами. Каждый имѣетъ право на все, но одному удалось больше, чѣмъ другому, а потому онъ и выдѣляется, какъ человѣкъ «лучшій», кто оставался позади всѣхъ, характеризовался эпитетомъ «меньшого» человѣка (Сергѣевичъ). Благодаря отсутствію перегородокъ и прикрѣпленію къ опредѣленной группѣ (какъ это установилось послѣ въ московской Руси) въ народной массѣ существуетъ свободное движеніе и перемѣщеніе, направляемое единственно личными усиліями или стихійными явленіями. Перемѣна въ положеніи однако нисколько не отражается, такъ сказать, на гражданскихъ правахъ населенія. Каждый былъ полноправнымъ гражданиномъ независимо отъ своихъ успѣховъ или неудачъ въ жизни. Ограниченіе налагалось только несвободнымъ состояніемъ и хозяйственной несамостоятельностью. Рабы и полурабы (закупы), а также неотдѣленные отъ отцовъ, хотя и взрослые, дѣти не были полноправными гражданами.

Положеніе князя «вѣчнаго странника» по лицу русской земли не давало возможности до известнаго момента (который наступилъ гораздо позднѣе, когда вѣче уже перестало существовать) образоваться около него ядру послушнаго чиновничества и тѣсно сплоченной родовой аристократіи, которая одновременно приносятъ съ собой об-

ественный антагонизмъ и становятся между властью и народомъ, образуя плотное средостѣніе.

При такихъ условіяхъ участіе народа въ управленіи могло выразиться только въ непосредственной формѣ. Къ сказанному надо еще прибавить, что каждый въ это время считалъ общественное дѣло своимъ, личнымъ (разница между первымъ и вторымъ еще не обозначилась ясно) и понятно, каждый поэтому, будучи полноправнымъ гражданиномъ, шелъ на общественную сходку для обсуждения и рѣшенія своихъ дѣлъ.

Вѣче, вѣчевая форма, есть форма коллективной жизни, коллективнаго веденія и рѣшенія дѣлъ. И въ такомъ широкомъ смыслѣ вѣчевое, или, какъ любили выражаться славянофилы, «хоровое» начало проникало всѣ сферы народной жизни древней Руси. Съ вершинъ народной жизни оно спускалось до самыхъ низинъ ея. Такимъ путемъ рѣшались какъ самыя важныя дѣла (въ родѣ войны и мира, избранія князя), такъ и такія, какъ раскладка податей, или разверстка земли. Вся Русь того времени можетъ быть представлена въ видѣ слагаемаго безчисленнаго количества отдѣльныхъ міровъ и мірковъ. То что послѣ получило названіе «земель» (Кіевская, Черниговская, Переяславская, Галицкая, Полоцкая и т. д.) составилось изъ волостей, волости изъ городовъ, пригородовъ, селъ, деревень, деревни изъ починковъ и т. д. И всѣ эти большія и большія территоріальныя единицы управлялись, вели свои дѣла мірскимъ, общиннымъ путемъ; вездѣ здѣсь существовали мірскія вѣчевыя сходки и выборные на такихъ сходкахъ органы управленія. Вслѣдствіе естественнаго прироста населенія и колонизаціи свободныхъ земель маленькія общины обращались въ большія. Изъ починковъ получались деревни, села, изъ селъ пригорода, наконецъ, города. Параллельно, одновременно съ хозяйственными успѣхами и ростомъ общинъ шли ихъ политическіе успѣхи и ростъ. Зависимые и лишенные высшихъ органовъ политической власти пригороды, дѣлались независимыми, са-

мостоятельными съ собственными органами верховной власти (княземъ и вѣчемъ). Такимъ именно образомъ шло соціально-экономическое и политическое развитіе областей или «земель» древней Руси—до появленія варяжскихъ князей и послѣ нихъ. Придя на Русь, князья нашли здѣсь уже болѣе или менѣе сложившійся описанный вѣчевой порядокъ, съ которымъ и вступили въ непосредственное общеніе и вмѣстѣ съ которымъ стали управлять Русью.

Относительно древности «изначальности» русскаго вѣча согласны какъ иностранные, такъ и русскіе источники.

Напримѣръ, изъ иностранныхъ писателей VI вѣка византіецъ Прокопій, наблюдавшій жизнь современныхъ ему славянъ, говоритъ, что они «не управляются однимъ лицомъ, но издавна живутъ при народоправленіи», и вмѣстѣ съ тѣмъ упоминаетъ о народныхъ собраніяхъ у нихъ. Другой писатель того же времени византійскій императоръ Маврикій отмѣчаетъ въ славянскомъ характерѣ любовь къ свободѣ и непріязненное чувство къ неограниченной власти; по его словамъ, ихъ трудно склонить къ рабству или повиновенію. Императоръ же Константинъ Багрянородный прямо указываетъ на *широкое развитіе* у славянъ *самоуправленія*. При постоянномъ общеніи восточныхъ славянъ съ Византіей наблюденія этихъ писателей несомнѣнно относятся къ жизни нашихъ предковъ. Изъ позднѣйшихъ писателей, напримѣръ, Адамъ Бременскій тоже говоритъ о славянахъ, что они *не терпятъ* въ своей средѣ *господина* или повелителя, а Дитмаръ Мерзебургскій замѣчаетъ, что они не повинуются одному, а *всѣ соглашались* о дѣлахъ своихъ и рѣшаютъ дѣла *единогласно*.

Таковы свидѣтельства византійскихъ и другихъ писателей VI—XI в.в., рисующія намъ нашихъ предковъ славянъ свободолюбивымъ и самоуправляющимся народомъ.

Русскіе источники уже прямо говорятъ о вѣчѣ, какъ политическомъ учрежденіи и тоже отмѣчаютъ его древ-

ность, изначальность. По словамъ лѣтописца, «новгородци бо *изначала*, и смольняне, и кыяне и полочане, и вся власти (области), яко же на думу, *на вѣчь сходятся*». Вѣче, о которомъ здѣсь говоритъ лѣтописецъ, какъ это видно изъ дальнѣйшаго разсказа, было задолго до появленія на Руси варяжскихъ князей и продолжало существовать въ томъ же видѣ послѣ ихъ появленія. Слѣдующій разсказъ лѣтописи о смерти князя Игоря, убитаго древлянами и мести княгини Ольги, необыкновенно живо рисуетъ картину того вѣчевого быта, который застали варяжскіе князья у славянъ.

Возвращаясь однажды послѣ сбора дани, Игорь поразмыслилъ и сказалъ своей дружинѣ: «ступайте съ данью домой, а я возвращусь, похожу еще». И, отпустивъ большую часть своей дружины, съ меньшей возвратился, чтобы собрать побольше дани. Древляне прослышали объ этомъ и подумавъ (сдумавше) съ своимъ княземъ Маломъ, рѣшили: «Повадится волкъ ходить за овцами, погубить все стадо, если не убить его; такъ и этотъ, если не убьемъ его, то всѣхъ насъ погубить». Послали его предупредить и такъ какъ Игорь не послушался, то, выйдя изъ Искоростеня убили его вмѣстѣ съ дружиной... Послѣ этого древляне снова собрались и рѣшили: «Вотъ мы убили русскаго князя, возьмемъ его жену Ольгу замужъ за князя своего Мала и Святослава (сына его) возьмемъ и слѣлаемъ съ нимъ, какъ хотимъ». И послали лучшихъ мужей числомъ 20 къ Ольгѣ. Посланные, придя къ Ольгѣ, сказали ей: «Послала насъ Деревская земля сказать тебѣ—мужа твоего убили, такъ какъ мужъ твой равно волкъ восхищаетъ и грабитъ, а наши князья добрые, пасутъ древлянскую землю. Поди замужъ за нашего князя Мала». Ольга дала уклончивый отвѣтъ и, какъ извѣстно, велѣла перебить пословъ, затѣмъ потребовала отъ древлянъ вторичнаго посольства. Со вторыми послами поступила такъ же, и наконецъ, поѣхала къ древлянамъ и перебила ихъ, напившихся-до пьяна на тризнѣ по Игорѣ.

Въ этомъ нѣсколько поэтическомъ и легендарномъ разсказѣ лѣтописи все время дѣйствуетъ народъ, сами древляне. Они совѣтуются, собравшись на сходку (вѣче) о дѣйствіяхъ Игоря и рѣшаютъ убить его. Они же рѣшаютъ затѣмъ посватать князя Мала за Ольгу и посылаютъ къ ней пословъ съ вѣча. И послы, придя къ Ольгѣ, говорятъ, что ихъ послала къ ней деревская земля, т. е. древляне. Такимъ образомъ, предъ нами вѣчевая жизнь, народная самодѣятельность въ полной, такъ сказать, силѣ. То же было и у другихъ славянскихъ племенъ. О полянахъ лѣтописецъ говоритъ, что они *«сдумавша (подумавъ на вѣчѣ) и вдаша отъ дыма (двора) мечъ»* (рѣчь идетъ о дани хазарамъ). Когда печенѣги осадили Бѣлгородъ въ 997 году, то, по словамъ лѣтописца, осажденные *«сотвориша вѣче въ городѣ»*. Наконецъ, до насъ дошли отъ того же отдаленнаго времени, документальныя свидѣтельства вѣчевой дѣятельности. Это торговые договоры первыхъ русскихъ князей Олега и Игоря съ греками. Въ нихъ указано, отъ чьего имени заключены договоры—отъ имени князей *«и ото встѣхъ, иже (которые) суть подѣ рукою его суицихъ Руси, т. е. населенія Руси, всего народа или, какъ это сказано въ Игоревомъ договорѣ: «и отъ встѣхъ людій Русскія земли»*. Понятно, кого разумѣетъ договоръ подѣ «людьми». Кромѣ того сами послы, придя въ Константинополь говорятъ о себѣ, что ихъ послали («послаша ны») къ византійскимъ императорамъ Роману и Константину *«великій князь нашъ Игорь, и боляре его, и людіе вси рустїи, т. е. все населеніе. Значить, заключеніе договора состоялось на вѣчѣ, по приговору всего народа...»*

Въ приведенномъ выше извѣстіи лѣтописца объ обычаѣ славянъ изначала сходиться на вѣче, сказано, что такъ дѣлаютъ «вся власти», т. е. обычай вѣчевого рѣшенія дѣлъ былъ повсемѣстный, во всѣхъ областяхъ древней Руси. Кромѣ того тотъ же лѣтописецъ дѣлаетъ прямыя указанія на вѣча въ различныхъ городахъ и областяхъ Руси. Профессоромъ Сергѣевичемъ насчитано такихъ ука-

заній болѣе 50. Въ этихъ указаніяхъ мы не вездѣ найдемъ слово вѣче или прямо соотвѣтствующее ему выраженіе, свидѣтельствующее о вѣчевомъ рѣшеніи. Очень часто мы встрѣтимъ выраженія въ родѣ «*яша*» (взяли) полочане Роговолода Борисовича, князя своего, и *послаша* въ Минскъ»... «*приведоша* ростовцы и бояре Мстиславля Ростиславича изъ Новгорода»... и *послаша* (говорится о войскѣ, осадившемъ г. Владимирь) къ володимерцамъ»... Тѣмъ не менѣе во всѣхъ этихъ выраженіяхъ, ясно говорящихъ о дѣйствіяхъ всего народа, общихъ, совмѣстныхъ, мы должны видѣть проявленіе вѣчевого начала. Имъ или предшествовали вѣчевыя собранія, совѣщанія, или же (что вполнѣ возможно по условіямъ того времени) сами дѣйствія были, такъ сказать, импровизированными вѣчами. Предварительное совѣщаніе въ этихъ случаяхъ часто не легко отдѣлится отъ исполненія—оба момента нерѣдко совпадали. Вообще при элементарности правосознанія и формъ политической жизни того времени приходится смотрѣть на каждое коллективное дѣйствіе народа, какъ на дѣйствіе вѣчевое, какъ на приложеніе принципа народовластія. Будь это взрывъ негодованія народной массы, народный самосудъ (какъ бы мы сказали теперь) или болѣе или менѣе правильная сходка, переговоры, цѣлованіе креста (присяга), заключеніе рѣда (договора) съ княземъ—все равно. Внѣшняя грубость, неоформленность говоритъ лишь о древности времени и грубости нравовъ, а не о неумѣстности здѣсь выраженія «народовластіе». Самъ лѣтописецъ, нерѣдко отмѣчая подобные же случаи, прямо говоритъ о вѣчевомъ рѣшеніи, выражаясь въ родѣ... «на утро же *советъ сотвориша* кіяне»... «въ то же лѣто *сдумавше* ростовцы и суздальцы и володимерцы вси, пояша Андрея»... «смолянне же *почаша вѣче дѣяти*»... и т. п., т. е. коллективному дѣйствію предшествуетъ коллективное же, вѣчевое совѣщаніе. Отсюда лѣтописцемъ не исключаются и случаи прямого насилія толпы, собравшейся на вѣче. Значитъ каждому времени—свое. Что на современномъ языкѣ называется само-

судомъ и карается какъ преступленіе, въ X—XII вѣкахъ было народнымъ судомъ. То, что теперь дѣлаетъ опредѣленное лицо, облеченное соотвѣтствующей властью (напримѣръ, конфискацію имущества), то раньше дѣлалъ самъ народъ, народная толпа. Скажутъ, гдѣ же граница между насиліемъ, своеволіемъ, наконецъ, даже буйствомъ разнузданной толпы, черни и дѣйствительнымъ, законнымъ исполненіемъ воли органа народовластиа? Очень часто трудно уловимая разница. Итакъ кромѣ случаевъ очевиднаго народнаго бунта, насилія, ничѣмъ не связаннаго съ вѣчемъ,—повторяемъ—на всякое коллективное дѣйствіе народа, о которомъ намъ сообщаютъ источники, надо смотрѣть какъ на проявленіе вѣчевого начала. Слѣдуетъ только различать вѣче въ широкомъ смыслѣ отъ вѣча въ узкомъ, тѣсномъ смыслѣ. Первое имѣло мѣсто во всѣхъ сферахъ народной жизни, какъ мы замѣтили выше, а второе въ политической сферѣ. Мы въ предлагаемой брошюрѣ, ограничимся послѣдней сферой,—будемъ разсматривать вѣче, какъ органъ государственной власти.

Мы сказали, что время возникновенія вѣча опредѣлить невозможно. Это справедливо для всей Руси. Но исторія Новгорода, гдѣ вѣчевое начало получило наибольшее развитіе и регламентацію, занесла на свои страницы чрезвычайно любопытное извѣстіе объ утвержденіи новгородской вольности (народоправленія) письменнымъ актомъ, княжеской грамотой. Это произошло въ 1019 г., когда побѣдой при рѣкѣ Альтѣ новгородцы проложили путь Ярославу къ кіевскому столу. Въ видѣ признательности за такую услугу Ярославъ далъ имъ «уставъ», «правду», утверждающую на вѣчныя времена народоправленіе Новгорода. Написавъ грамоту, Ярославъ, по словамъ лѣтописи, сказалъ: «по сему ходите и держите, яко же списахъ (написалъ вамъ)». Грамота предоставляла Новгороду—право самоуправленія и суда и освобождала отъ дани, которую до сихъ поръ Новгородъ платилъ кіевскому князю... Однако съ этимъ извѣстіемъ не надо соединять начала

новгородской вольности. Оно не значитъ, что Новгородъ только при Ярославѣ (въ началѣ XI в.) получилъ автономію. По выраженію лѣтописца, новгородцы «издавна суть свобожени прадѣды князь», т. е. свободны отъ древнѣйшаго времени отъ древнѣйшихъ князей. Ярославова грамота 1019 года только закрѣпила писаннымъ закономъ древнѣйшій обычай. Новгородцы получили черезъ нее своего рода «великую хартію вольностей», гарантирующую ихъ права, вольности на вѣчныя времена отъ посягательствъ. И, дѣйствительно, послѣ новгородцы всегда ссылались на Ярославову грамоту, какъ на такую хартію. Напримѣръ, когда московскій князь потребовалъ отъ Новгорода въ двойномъ размѣрѣ ордынскаго выхода (дани), якобы по требованію Узбека, то новгородцы заявили ему: «Изначала не бывало того—по старой пошлинѣ (отъ глагола «пошло») новгородской и по грамотамъ прадѣда твоего Ярослава Володимировича, т. е. и по обычаю, традиціи и по писанному праву. Къ той же аргументаціи прибѣгаль Новгородъ и во время борьбы за свободу съ Москвою. По образцу Ярославовой грамоты писались всѣ послѣдующія договорныя грамоты Новгорода съ князьями. Самое имя Ярослава глубоко чтилось новгородцами за выдачу «хартіи», и какъ бы въ назиданіе потомству и въ воспоминаніе укрѣпленія новгородской свободы обычное мѣсто вѣчевыхъ собраній названо Ярославовымъ дворомъ.

Ничего подобнаго не знала низовая Русь. вмѣстѣ съ юридической опорой вольностей, у новгородцевъ была еще опора нравственная, религіозная. Патрономъ Новгорода считалась св. Софія (въ Новгородѣ былъ храмъ во имя св. Софіи). И въ представленіи новгородцевъ Господинъ Великій Новгородъ (официальный титулъ новгородской земли) обладатель новгородской территоріи и носитель новгородской автономіи, и св. Софія сливалась въ одно цѣлое. Они твердо вѣрили, что св. Софія стоитъ на стражѣ новгородской автономіи, не дастъ ихъ въ обиду. Независимость и автономія Новгорода такъ же дороги св. Софіи, какъ и самимъ новгородцамъ.